

18+ **ТАБЛЕТКА**
ОТ ОДИНОЧЕСТВА

ЕВГЕНИЙ КИСЕЛЕВ

Евгений Киселев

Таблетка от одиночества

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57339183

ISBN 9785005128621

Аннотация

Если у тебя в руке будет таблетка, способная вернуть прошлое, ты её проглотить или похоронишь воспоминания глубоко в памяти? Запутавшись в своём сознании, главный герой пытается сделать правильный выбор. Замученный жизнью отца-одиночки, он уже не отличает иллюзию от реальной жизни. Ведь всё до банальности просто: принимаешь препарат – и ты счастлив. Но какие тайны в себе хранит простая таблетка?

Таблетка от одиночества

Евгений Киселев

© Евгений Киселев, 2020

ISBN 978-5-0051-2862-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

– Папа... папа, ты тут?

– Да, малышка, почему ты не спишь?

– Мне приснился страшный сон, не хочу оставаться одна в своей комнате.

– Ну хорошо, ложись рядом.

Пока она запрыгивает на кровать, нужно успеть скинуть таблетки в тумбочку. Даша со всей своей детской наивностью весело запрыгивает в родительскую постель, переворачивается с боку на бок, чтобы выбрать самое удобное положение. Не так часто ей удаётся поваляться тут с родителями и тем более поспать с нами ночью, ведь у неё, как у взрослой девочки, есть своя постель. Я смёл горсть таблеток в открытый ящик тумбочки, но всё-таки парочка капсул с шумом, который подчёркивала ночная тишина, упали на пол и покатались под кровать. Плавным и незаметным движением я захлопнул дверцу тумбочку. Руки и ноги ещё тряс-

ло от утренней судороги. Нужно отвлечь Дашу от ненужных звуков и движений.

– Что тебе приснилось, моя принцесса?

– Мне снилось, что мы, как обычно, в выходные летом ехали на озеро, ярко светило солнышко, и я на секундочку закрыла глаза, как вдруг услышала странные громкие звуки. Я хотела открыть глаза, но не могла, стало очень холодно и страшно, папочка. Я резко почувствовала, словно падаю.

– Не нужно волноваться, я же рядом, и всё хорошо. Учёные говорят, если вы падаете во сне, значит, вы растёте.

– Тогда я скоро стану выше тебя, – прошептала Даша.

– Обязательно станешь.

Я пододвинул её ближе к себе, невозможно описать словами, как мне стало тепло от этого. Хочется защищать её от всего плохого, что есть на этом свете. Я слышал, как она плакала этой ночью, но не стал говорить ей об этом, видимо, сон так повлиял на неё. Мне следовало бы сразу пойти к ней, но это случилось так внезапно, что я попросту не успел среагировать, и уже спустя несколько секунд после плача я уже услышал детский топот по коридору. Дочка просто хотела защиты, которую я могу дать ей. В детстве мы всегда ищем защиты у родителей, и мой ребёнок не исключение. Прошло буквально две-три минуты, и моя девочка уже тихо и мирно спит рядом. Пусть спит, ведь она сегодня снова окунулась в сны, которые я пока не могу объяснить ни ей, ни себе. Пока что я даже не могу рассказать ей, почему этот сон пресле-

дует её, а этот слепящий свет закрывает глаза, и почему она чувствует этот холод после шума. Что же ещё может волновать этот маленький спящий комочек счастья? Пусть это будет всего лишь сном, который будет сниться, возможно, ещё день или два, да хоть неделю, но останется далеко в прошлом тем, что никогда не захочется вспоминать.

Ранние солнечные лучи врываются в комнату, но даже они не спасали это холодное сентябрьское утро. Это были те самые лучи, которым не хочется сопротивляться, находясь в утренней, холодной от ночи квартире. Комната понемногу впитывала в себя тепло и дарила его нам, наполняя нас желанием жить счастливо. Свет поглощает тебя, не принося тревог, не причиняя вреда, но и не принося ничего хорошего. Просто холодный свет солнца, которое не желает греть тебя, но и не приносит тревог. Этот свет подобен нашим ежеминутным мыслям: семья, работа, временные трудности, успехи и неудачи. Но как только мы захотим быстро и неожиданно поменять ход мыслей, как будто бы закрыв шторы от ярких лучей солнца, то свет будет с той же силой проникать в комнату. Преграды, создаваемые человеком от своего же мышления, порой такие хрупкие, игрушечные, щадящие. Стоит только попасть в эти лучи, закрыть глаза – и оттуда уже не выбраться. Нет смысла скрываться от собственных мыслей, как и от света: шторы не помогут. Остаётся только всецело погружаться в омут жизни, впечатлений, воспоминаний о прошлом и мечтаний о будущем, не забы-

вая о настоящем. Как же приятно может быть порой, находясь в собственной кровати, пропускать через себя тепло, поглощать то, что дарит судьба, и тонуть в этом солнечном озере. В жизни каждого человека есть своё солнечное озеро, и совсем не важно, умеешь ли ты плавать. Единственное, что может не давать нам плавать в струящихся лучах, это наше негативное мышление, которое имеет способность разрывать нам душу, вытаскивать скелеты из шкафов, беречь ещё не зажившие раны, но наши мысли – это и есть мы сами. Хотим ли мы думать о чём-то плохом? Да, конечно, хотим, но потом, с ужасом осознавая, что наши мысли зашли слишком далеко, мы начинаем называть эти мысли злыми, хотя мы сами же их создали. Плавая в лучах, мы можем думать как о хорошем, так и о плохом, всё зависит от того, какие сны нам снятся, какие люди нас окружают. Пусть моей маленькой дочери и снятся плохие сны, но я с ней, несмотря ни на что.

Чувствую, как лучи начинают греть, солнце поднялось уже достаточно высоко. Мысли так сильно захватили меня, что я не заметил, как комната с закрытыми окнами превращается в баню. Нужно будет переставить кровать, невозможно каждое утро просыпаться от этого прожектора. Похоже, после восхода я проспал ещё несколько часов, и думаю, что на этом стоит остановиться. Как только сон длится до обеда, у меня появляется чувство потерянного дня, ведь можно было сделать много дел по дому, но время уходит, и его

не вернуть. Провёл рукой по кровати и понял, что сплю уже один. Если бы ей было четыре года, то я бы заволновался не на шутку, ведь в этом возрасте дети ещё не понимают, что делают, но моей маленькой дочери уже восемь лет. Её ум уже достаточно окреп, и она не задаёт глупых вопросов. Ум, который заставляет меня напрягать свой мозг и память, чтобы ответить на огромное количество недетских вопросов.

Пока есть время и я не слышу её, нужно прибраться в тумбочке после ночной лихорадки. Осторожно, без лишних звуков я открыл ящик. Девять таблеток, уже только девять, осталось у меня в запасе. Хорошо, что моей девочке уже восемь, и она научена не трогать папины вещи у него в тумбочке, иначе мне бы пришлось прятать таблетки где-нибудь на шкафу, куда бы она точно не смогла добраться. Я бы и сам с трудом смог туда добраться.

Вот до чего докатился: мешки под глазами, таблетки в тумбочке и бессонные ночи. Этого я точно для себя не хотел, но разве мы имеем право что-то выбирать в своей жизни? Ничего мы не выбираем, выбор за нас уже сделан, мы живем в иллюзии собственного выбора. Судьбой предрешён ход событий, которые заполняют нашу жизнь. Нам остаётся только придумывать, какая сейчас идёт полоса, белая или чёрная. Ты можешь быть уверенным в том, что твоя чёрная полоса потерь, огорчений и разочарований вот-вот закончится, но стоит начаться по-настоящему чёрной полосе, приходит осознание, что вся твоя предыдущая боль – на са-

мом деле, лучшее, что могло произойти, и в том, что происходит, нет ничего плохого.

Как странно, я её совсем не слышу. Где она? Абсолютно никаких звуков. Для ребенка восьми лет это очень странно. Нужно проверить, всё ли в порядке, но для начала нужно как-то подняться с кровати. Ночные судороги уже прошли: нужно только не забывать про таблетки, и никаких проблем не будет. Не нужно будет просыпаться ночью в холодном поту и искать эти проклятые лекарства. Нужно выработать привычку убирать их подальше в тумбочку, иначе Даша когда-нибудь доберётся до них. Ребёнку не объяснишь, что это всего лишь витамины, которые нужны папе, чтобы чувствовать себя немного лучше.

Сесть на кровати оказалось проще всего, наверное, только это можно сделать без усилий. Сегодняшней ночью судороги были отменные, таких давно не случалось. Чувствую слабость в ногах, немного больше, чем обычно, а это значит, что нужно последовать совету врача и увеличить дозировку препарата. Чувствую себя старым, в свои тридцать два года меня беспокоит слабость, судороги и потеря внимания. Именно так приходит старость, но я ещё держусь молодцом. Мои знакомые уже в двадцать пять подсели на БАДы и прочую чушь.

Тянуть больше нельзя, я её не слышу. Я запил водой горсть таблеток и опрокинул стакан. В голову автоматически приходит восприятие той жизни, которая происходит сей-

час. Понимание того, что я просто плыву по течению реки под названием «по наклонной». Только в тот момент, когда в твоей жизни всё не так плохо, начинаешь размышлять, а что бы было, если бы всё шло по-другому. Мы фантазируем тогда, когда у нас есть на это время, и совсем неважно, откуда мы вырвали эти минуты. Мне неважно, есть ли у меня время фантазировать и хороша ли моя жизнь на данный момент. Одно я знаю точно: выпитые таблетки дадут мне то, что нужно.

* * *

Шаги ослабших после ночного припадка ног такие мягкие и тихие. Возможно, я смогу застать её врасплох в комнате, но абсолютно все дети её возраста любят удивляться сюрпризам. Я слегка приоткрыл дверь и не удивился, увидев, чем она занята.

– Как всегда, раскраски. Ты неизменна, Дашуля.

– Нет, папочка, это не раскраски, – не отвлекаясь от своего занятия, сказала она. – Я просто рисую. Я полежала с тобой немного, и когда ты уснул, я убежала к себе. Стало так светло и хорошо, самое время рисовать солнышко.

Я сел с ней рядом на кровать и обнял её.

– Ты меня напугала, ты так тихо рисуешь, как мышка.

– Ну чего ты, папа? Рисовать – это ведь не песни петь на весь дом, – и она выразительно посмотрела на меня, как

будто я не понимаю простых истин. А ведь, и правда, не понимаю.

С этими таблетками я стану чокнутым, если уже им не стал. Хотя я ведь прекрасно понимаю, что меня тревожит.

– Так, и что это ты рисуешь, малышка?

– Я рисую всех нас: тебя, маму и себя. Помнишь, как тем летом мы ездили на озеро? Было так хорошо, – сказала она, не отвлекаясь от своей кропотливой работы.

– Конечно помню, а хочешь ещё раз так же?

– Без мамы совсем не хочется, – еле слышно произнесла она. – Вот если бы мама была с нами, тогда я была бы очень рада.

Я понимаю, в её возрасте не видеть маму – это самое страшное, что может произойти с ребёнком. Потерять из виду человека, которого любишь больше своей жизни, когда и жизни-то ещё не видел. Пусть даже в будущей жизни будет всё: любовь, богатство, здоровье, удача, да и вообще все жизненные блага, но не будет мамы, то это не жизнь, а пустота. Чувство потери забирает все слова, которые хотелось бы сказать, словно все слова на свете закончились, когда мама ушла. Каждый ребёнок каждое утро хочет видеть маму, слышать её ласковый и добрый голос и каждый вечер засыпать рядом. Неизмеримая сила любви живёт между матерью и её ребёнком, и никто не сможет разорвать эту связь, дарованную судьбой. Мама – это первое слово, которое мы произносим и хотим произносить всегда. Бежать домой после про-

гулки под летним грибным дождём и знать, что дома нас ждёт она. Ровно в тот момент, когда мы забегаем домой, скидывая с себя мокрую куртку и снимая промокшую обувь, заходим на кухню и видим этот знакомый и родной силуэт, мы понимаем: мы дома. Неважно, где мы живём: в красивом уютном семейном доме или съёмной коммунальной квартире, которую и квартирой-то не назовёшь, важно, что там нас ждёт мама. Неважно, какая она, с проблеском седины или же с молодой наивностью в глубине глаз, важно то, что она дома. Возможно, мама будет ругаться, что бегаем под дождём, что раскидали мокрую одежду по полу, но это не влияет на то, как мы любим её, а она – нас. Слегка запыхавшихся от бега по лестнице, мама прижмёт нас к себе и скажет спокойным голосом, что нужно быть аккуратнее. Мы дома, когда рядом мама.

– Не волнуйся, зайка, она скоро вернётся, я тебе обещаю.

– И мы поедем на озеро?

– Конечно, поедем, все вместе.

– А сколько ещё маму ждать? – с грустью в глазах спросила Даша.

– Совсем недолго, осталась буквально пара недель, дни быстро пройдут, малышка.

– Я буду ждать её, папочка, я даже спать не буду, вдруг она придёт ночью, а я буду спать.

– А вот это маме может не понравиться, и она будет расстраиваться, что ты не спишь ночью.

– Хорошо, я буду спать, но я буду рада, если мама утром меня разбудит.

– Так и будет.

Детство – это жить, радуясь солнцу и дождю, кричать, бегая по полю, лазать по деревьям, играть в разные игры в больших дружных компаниях. Теперь известно, когда умирает детство: оно умирает ровно тогда, когда приходишь домой, а мамы нет, и ты не знаешь, где её искать. Лёгкий грибной дождь погибает за окном, рождая потоки воды, которые стучат повсюду: по стёклам, по кромке крыши, по уставшим деревьям и глухой протоптанной земле. Детство живёт в нас, пока рядом мама или пока мы знаем, где её найти. Детство живёт в нас, когда мы, вернувшись домой, ловим её любящий взгляд. Детство живёт в нас, когда мы, просыпаясь утром, слышим, как мама готовит завтрак на кухне под звуки утренних телепередач. Детство живёт в нас, пока мы, разрывая будни, ищем хотя бы минуту, чтобы набрать годами заученный номер телефона и после долгих гудков услышать уставший, но такой знакомый и родной голос. Что за сила решает оставлять на этом свете детей без родителей и родителей без детей? Что за сила позволяет детям пропадать в неизвестном направлении, оставляя родителей погибать в каждодневных поисках своего ребёнка? Наверное, ровно та же сила, которая забирает у неокрепшего маленького человечка единственный ориентир в этом грубом мире. Ровно та же сила, которая отбирает у одних, но не трогает других. Кто

решает, у кого забирать, а у кого нет? В восемь лет потеряв маму, хочется задавать вопросы: «Почему так получилось?», «Почему мамы нет рядом?», но ещё больше хочется, чтобы мама была рядом, слышать её голос, ощущать её запах и чувствовать её бережные прикосновения. Ребёнок просто сталкивается с жестокостью этого мира и теряет то, что невозможно вернуть с годами. Великая удача преследует тех, кто всё-таки возвращается в объятия любви и больше не теряет тех, с кем живёт его сердце.

– Мне нужно сегодня съездить по делам, ты останешься у бабушки.

– Опять меня оставляешь? – её пальцы, сжимавшие карандаш, зависли над рисунком. – Почему мне нельзя с тобой?

– Даша, мы ведь это обсуждали, я не могу брать тебя с собой, и это моё решение. Ты побудешь с бабушкой всего пару часов, я вернусь, ты и не заметишь, как пролетит время.

– Пара часов – это долго, ты всегда врёшь, что это быстро.

– Я попытаюсь на этот раз ещё быстрее, обещаю тебе. Мы с тобой проходим это каждую неделю, и каждый раз ты всё о том же.

– Это как-то связано с мамой? – спросила она неуверенно.

– Отчасти да.

– Хорошо, я тебя отпускаю, – с детской важностью в голосе разрешила она. – Тогда я возьму с собой игрушки.

Всегда улыбаюсь, когда она переходит на такой тон. До-

ставляет удовольствие наблюдать, когда твой ребёнок набирает полную грудь воздуха и начинает говорить, как конфетансье. Все дети стараются казаться старше. Особенно много радости приносит, когда твой ребёнок начинает командовать, словно взрослый человек.

– Конечно, бери игрушки, какие захочешь.

– А что, если я хочу взять все?

– Ну, если сможешь все унести, – улыбаюсь я.

– Тогда нужно подумать.

– Думай, но поспеши, а то погода на улице портится, нужно успеть до дождя.

Как же всё-таки материальны мысли и слова: стоило только подумать о проливном дожде, как он уже колотит в окна. Хреново быть дождём в тёмный и холодный вечер, когда все тебе не рады и хотят прогнать прочь. Когда ты стучишь людям в окна и кричишь им о том, что ты тут, а они, глядя на тебя, задёргивают шторы, запирают двери и попросту не выходят к тебе на улицу. Любовь бывает разная, но всё равно она любовь, жестокая, нежная, глупая и наивная, серьёзная и безответная, но любовь. Вот и дождь, возможно, просто нас так любит. Совсем просто полюбить солнце, тёплый вечер, зелёную траву под окном, и так сложно радоваться тёмным тучам и чёрным вечерам с проливными ледяными дождями. Кто придумал, что знойным летним днём нужно радоваться, а холодными дождливыми ночами – грустить? Дождь ночью ничем не отличается от грибного, просто один

спрятан в темноте, а другой пропитан светом. Возможно, всё перевернуто наоборот, просто мы в это поверили...

– Ты готова?

– Да, папочка! – радостно крикнула она, выбегая из комнаты.

– А где же игрушки?

– Ой, совсем забыла, они в рюкзаке.

– Давай бери рюкзак и надевай курточку, на улице ливень.

* * *

В её лице я вижу, как дети могут быстро забывать, быстро и с весёлыми криками спускаться вниз по лестнице. Дети не живут грустью и воспоминаниями, именно поэтому детские улыбки самые искренние, в этих улыбках нет отпечатка боли прошлых лет. Дети всё помнят: ушибы, ссадины, обиды, но улыбаются всегда чисто и искренне, сохраняя в своём сердце наивность.

Я проклят, если всю оставшуюся жизнь буду помнить, как улыбка на мгновение стирается с лица моего ребёнка, словно дождь смывает мел с асфальта, и видеть отчуждённый грустный взгляд. Будь у меня выбор, то в тот момент я бы сделал его не в свою пользу. Будь у меня выбор, я снова и снова бы уходил, оставляя её... оставляя их вместе... но без себя.

– Пап, ну ты чего зависи? – крикнула Даша уже с нижних этажей. – Спускаешься медленно, как дедуля.

– Да иду я, иду.

Улицы пожирал дождь, быстрый и стремительный, скоро и мы окажемся под ним. Машина стоит в соседнем дворе, ведь эти дома-муравейники не оставляют выбора. Здесь вечная проблема с парковками, поэтому приходится ставить автомобиль где попало.

Быстро добежав до старенького «поло», который я купил на деньги, возмещенные по страховке за прошлую машину, мы запрыгнули внутрь.

– Сильно промокла?

– Нет, я больше переживаю за игрушки в рюкзаке.

– Принцесса, у тебя самый прочный рюкзак на свете, я уверен, что твои игрушки целы и невредимы.

Порой ловлю себя на мысли, что не знаю, как общаться с собственной дочерью. Самый настоящий болван, которому стоило бы заглянуть в гости к волшебнику страны Оз и одолжить полноценный человеческий мозг, а лучше два.

Чёртовы страховые агентства, бич современного общества, ты платишь им кучу денег, чтобы в один определённый момент, если он, конечно, наступит, они могли вернуть тебе малую часть того, что ты им подарил. В итоге от нового «Вольво», купленного на кровно заработанные деньги, откололся этот старый «поло», который и завестись-то с первого раза не может. В итоге остаётся дырявый карман без лишней копейки на очень долгий срок, потому что жизнь постоянно вносит свои коррективы, и трат становится намного больше,

чем ожидаешь. Ладно хоть вернули эту жалкую часть денег, которую я смог прибавить к семейным сбережениям, ведь без машины как без рук. Нынешние реалии заставляют тебя следовать тенденциям, хотя если уж совсем станет плохо, можно пересесть на каршеринг или такси.

В 21 веке выехать с парковки многоквартирного дома – это целое испытание как для неопытных новичков, так и для бывалых лихачей. Забитые до отказа парковки. Машины стоят на газонах и автобусных остановках, тротуарах и у входов в подъезды. Случись в один момент пожар – неизвестно, через какое время может приехать помощь и сможет ли вообще приехать. Совсем недавно в соседнем доме случился пожар, на который машина спасательной службы смогла добраться только через двадцать минут из должных пяти.

Вечерний дождливый город – просто аккумулятор размышлений, грусти и сна. Мы стали меньше общаться после того момента. Порой приходят мысли, что раньше мы были отличной семьёй, самой необыкновенной, строящей планы, мечтающей о счастливой жизни. Карточные домики рушатся с немыслимой скоростью, остаётся только наблюдать, как вершина оказывается на уровне основания. Что ломает карточные домики? Порой мы сами, порой мы просто невнимательны, когда их строим, строим там, где нельзя, строим тогда, когда не готовы, строим, не учитывая ветра и условий окружающей среды; и после того как дом рухнет, мы начинаем винить случай, искать виноватых среди окружающих.

Каждому человеку нужно научиться чувствовать то место, где он живёт, даже роза ветров в жизни и отношениях людей играет важную роль.

Сентябрь захватил этот город, люди вооружились зонтиками и запаслись плащами, всё вокруг повинуетса погоде, ведь остаётся только искать какую-то защиту для себя. Колёса разрезают накопившиеся лужи на дорогах, капли ползут по корпусу автомобиля, повторяя все изгибы и дрожа на ветру. В такую погоду, чтобы что-то рассмотреть в зеркалах бокового вида, нужно приложить немало усилий, даже притом, что люди придумали немало приспособлений для этих зеркал. Остается принять, что такая погода не приговор для жителей, город живёт, ненадолго сбросив обороты. Не стоит также забывать и про лихачей, которым плевать на принятые правила дорожного движения, нужно всегда быть начеку: цена ошибки высока. Можно быть полностью уверенным в своих силах, но ни на один процент нельзя надеяться на автомобиль, движущийся навстречу.

– Мы долго ещё будем ехать? На улице очень темно, – сказала Даша.

– Почти приехали, – отозвался я. – Да, в такую погоду в восемь часов вечера уже очень темно, именно поэтому я всегда говорю тебе не задерживаться, когда идёшь гулять.

– Я давно не была на танцах и соскучилась по подружкам. Можно мне будет сходить на занятие?

– Ты же знаешь, почему ты не могла пойти, хоть тебе это

и нравится, но за это нужно платить деньги, а их у нас очень мало. Я не виноват, что меня сократили, хорошо, что ещё месяц они будут оплачивать после моего увольнения. Ты уже большая девочка, и мы с мамой всегда учили тебя считать деньги.

– Да, я уже большая и жду не дожусь того дня, когда сама начну зарабатывать и мне не нужно будет выпрашивать у тебя деньги, чтобы пойти на занятие, – с нотками агрессии выдавила она.

– Не стоит винить меня во всех бедах, я всегда хотел как лучше для нас. Почему ты этого не понимаешь?

– Я всё понимаю и понимаю то, что ты ничего не можешь без мамы...

Тишина повисла в машине, тихо шипело радио, она прозвнесла это, даже не посмотрев в мою сторону. Я не в восторге от таких моментов, когда она начинает меня винить, порой мне кажется, будь у неё выбор оставить меня или маму, то она без промедления бы сделала его не в мою пользу, но я её не виню. Она всего лишь маленький ребёнок, обиженный на жизнь, ей нужно искать виноватого в её боли, но некого искать в тот момент, когда рядом только один человек и этот человек я.

Наконец, самый долгий светофор показал зелёный свет, ещё пара поворотов – и мы на месте. В детстве это был мой любимый район, где я провёл лучшие дни своей жизни. Каждый фрагмент воспоминаний наполнен яркими красками.

Не было ни боли, ни разочарований, мы просто дружили, играли и развлекались. Я благодарен судьбе за этот отрезок жизни, проведённый именно тут, с людьми, которых до конца своей жизни я буду называть друзьями детства.

Свет в окне. Значит, мама дома, наверное, опять смотрит телевизор или разговаривает по телефону. Стоило, конечно, предупредить её, что мы едем, а то она опять будет недовольна, что я ей даже не позвонил. Её жизнь не сахар. Когда я ещё был маленьким, отец ушёл из жизни по собственному желанию, но это запретная тема для разговора в нашем доме, да я и не особо рвался узнать подробности. Его уход был для меня чем-то отстранённым, мне вроде и не был важен этот человек, но порой мне не хватало крепкого отцовского плеча, мужского наставления и похвалы за успехи. Я рос сам, впитывая примеры слов и действий отцов моих друзей, беря пример в хороших поступках актёров в кино, но всю жизнь был лишен примера для подражания в лице отца. У мамы бывали поклонники (моя мать довольно привлекательная женщина), но ни один из них не мог продержаться и недели ухаживания за ней. Разгадка проста: в её жизни был нужный ей мужчина, но по сложному стечению обстоятельств он ушёл, оставив только предсмертную записку, о существовании которой я узнал совсем недавно. Отец – это то, о чём не стоит упоминать в нашем доме, да и я не вижу смысла ворошить прошлое.

– Ну, вот мы и приехали, хватай рюкзак, бабушка будет

рада видеть тебя, – приукрасил я, зная, что бабушка даже не знает о том, что мы едем. – Ты соскучилась по бабушке?

– Нет, папа, я же была у неё на прошлой неделе. Ты же не хочешь брать меня на свои дела, вот и оставляешь с ней.

– Ты так говоришь, как будто ты совсем ей не рада.

– Я-то ей рада, а вот она мне нет.

– С чего ты это взяла?

– Вот мы сейчас поднимемся, и ты сам это увидишь, она будет не рада мне, опять скривит лицо и скажет, что мы снова приехали отнимать её время, – съязвила Даша, глядя мне прямо в глаза.

– Ничего подобного, бабушка будет в восторге, что мы приехали в гости, я готов поспорить.

– А давай, если она будет недовольна, то ты никогда больше не оставишь меня одну.

– А если довольна, то...

– То не будет, папочка, она всегда недовольна, – перебила меня дочь.

Захлопнув двери машины, мы пошли в сторону подъезда. Дождь немного стих. Ещё пара этажей – и мы на месте.

* * *

Вот она, дверь, за которой я провёл лучшие годы своей жизни. Мы всегда рады возвращаться в родительский дом, где всё всегда на своих местах, где с каждым уголком свя-

заны лучшие воспоминания. Когда мы возвращаемся сюда, приходит понимание, что время тут не властно, те же запахи чулана и материнских духов... Остаётся лишь с грустью наблюдать, как стареют родители, ведь время пока что неподвластно людям. Время не тревожит комнаты, оно только добавляет седины и морщин родителям.

После того как мы позвонили в дверь, послышались глухие шаги и скрип половиц.

– Кто там? – послышался уставший мамин голос.

– Это мы.

Всегда умилял этот вопрос, особенно произнесённый у дверного глазка.

Раздался звук открывающегося замка, затем скрип открывающейся двери. Такое чувство, что скрип сопровождает все предметы в этой квартире.

– Костя, почему ты не предупредил, что приедешь? Я хоть бы как-то подготовилась, приготовила что-нибудь на ужин.

– Я ненадолго. Ты можешь остаться с Дашей на один вечер? Мне нужно съездить по делам.

– Заходите, – озадаченно произнесла мама. – Неужели даже чаю не попьём?

– Ну, минут десять у меня есть, можно и попить, я не против, – переступая через порог, сказал я. – Даша, ты будешь чай?

– Нет, спасибо, как-то не хочется. Я лучше пойду посмот-

рю телевизор или поиграю со своими игрушками, а то больше в этой квартире заняться нечем.

На кухне всё по-прежнему, только конфет в вазе стало значительно меньше, да и те, которые есть, не отличаются ценой и вкусом. Да о чём я? Разве женщина в предпенсионном возрасте, работая техничкой, может позволить себе дорогие конфеты? С годами экономия начала разрушать всё то, что когда-то было в этом доме. Раньше мама каждые выходные пекла пироги, самые лучшие пироги на свете, на самом деле, лучшие, не потому, что у них был какой-то уникальный рецепт или особый ингредиент, а потому, что они были приготовлены самыми нежными руками на свете и с материнской любовью. Со временем денег стало не хватать, цены на продукты росли, появились проблемы со здоровьем, возникли какие-то обиды на время и на людей, и это отразилось на всём в этом доме. Ингредиенты стали меняться, стали использоваться аналоги и заменители, сахара стало меньше, и, в конце концов, пироги стали совсем пресные, словно в них перестала чувствоваться та, прежняя, любовь. Кого винить в этом? Время? Всех нас? Я виноват в большей мере, потому что в своё время мама давала мне всё необходимое, а теперь, когда она нуждается в моей помощи, я не могу ей её дать, но она мне ничего не скажет, ведь моя мать – непробиваемая женщина. Она привыкла нести на себе весь груз ответственности, так как воспитывала меня одна.

– Как ты?

– Нормально, мам, но порой мне её не хватает, недостаёт её помощи.

– Мне это знакомо. Когда ушёл из жизни твой отец, я чувствовала одиночество каждую минуту. Но не будем о нём.

– Я порой думаю, что было бы, если б я не встретил Катю и у нас бы не родилась Даша, но сразу чувствую тяжесть одиночества той жизни, которой мог бы жить. Как, впрочем, чувствую одиночество и сейчас, но дочка не даёт мне грустить.

– Всё наладится, я уверена. Как твоё лечение?

– Ну, вот поэтому я и привёз Дашу, буквально через полчаса у меня встреча в клинике, наверное, мне уже пора.

– Порой мне кажется, что от этого лечения тебе только хуже, – и слеза покатилась по её щеке, как будто ждала именно этого момента.

– Нет... Ты ничего не понимаешь, раны затягиваются, и мне легче. С каждым днём мы с ней становимся ближе.

– Я надеюсь на это, но переживаю за твоё здоровье.

– Хотя это и необычный метод, но он работает, мама, правда, работает, хватит плакать.

Я подошёл и обнял её, как это было всегда, всю жизнь, хотя она очень стойкая женщина. Но и сильным порой нужна поддержка. То, что недавно произошло в нашей семье, выбило её из колеи. Мы смогли пережить тот ужас, но последствия пережитого оставались, и я знал, как это исправить.

– Я скоро вернусь, – сказал я уже на пороге и захлопнул

дверь.

Дождь прекратился, на влажном асфальте появились сухие островки благодаря несущимся автомобилям. Я всегда любил скорость, но знаю цену ошибки. Обычно я не лихачу на дороге, но эти прямые участки без пешеходных переходов и светофоров всегда как будто предлагали мне изменить своим жизненным правилам. Нога сама нажимала на педаль газа, я просто поддавался порыву эмоций, скорость меня завораживает, но, естественно, в разумных пределах, ведь при больших скоростях я чувствовал, как теряю управление автомобилем. Груда железа может стать твоей клеткой, выйдя из которой, ты можешь пересесть в инвалидное кресло, если вообще сможешь выйти. В моей жизни была только пара моментов, когда я терял власть над машиной, и что-то помогало мне выжить, необъяснимая сила, которая вносила свои коррективы – и я оставался цел и невредим, чего нельзя было сказать про автомобили.

Здание, которое придавало жизни краски надежды – прямо передо мной. Снаружи оно выглядело вполне обычно, в окнах горел свет, в котором мне чудился крик «все сюда, мы вам поможем!», хотя это всего лишь моё воображение. Клиника экспериментальной медицины находится на отшибе, но это не влияет на успешность её работы. Клиника предлагает свою помощь людям, которым нужна психологическая поддержка, подпитанная антидепрессантами высшего уровня. Мне нужна такая помощь, ведь всё, что окружало

и цвело вокруг меня, стало гибнуть.

– Добрый день, Константин.

Да, естественно, они знают всех своих клиентов, ведь нас немного. Мы – это люди, которые кого-то потеряли в жизни и желают заткнуть эту брешь, не имея ни гроша в кармане, а они – люди, которые хотят тестировать свои лекарства от депрессии. Вот мы и встретились. В лице этой клиники жизнь дала мне шанс, и было бы глупо отказываться от него.

– Здравствуйте, у меня назначено к Филатову на...

– Да, конечно, раздевайтесь в гардеробе и проходите в шестой кабинет, доктор уже ждёт вас, – сказала девушка в приёмной.

Как всегда, здесь было безлюдно, да и откуда тут быть толпам, ведь это всего лишь место, где таким, как я, втюхивают антидепрессанты. На стенах коридора – воодушевляющие плакаты: «Мы поможем вам и разделим вашу боль». На первом этаже было довольно много кабинетов, но для меня не составило труда определить нужный. Двери полностью из стекла, свет только в одном кабинете – мне именно туда.

– Добрый день, Константин, вы очень пунктуальны, – сказал доктор, посмотрев на часы.

– Люди для этого и придумали время, хотя я за ним сегодня не следил.

Он заулыбался.

– Помню тот день, когда вы впервые пришли сюда. Вам было не до шуток.

– А кто сказал, что сейчас это была шутка.

– Константин, почему вы такой угрюмый? Как вы? Как идёт прием наших препаратов? На мой взгляд, вам лучше, цвет лица стал более здоровым, синяки под глазами, кажется, стали меньше.

– Я бы не согласился с вами, раньше я был симпатичнее. Но я стал высыпаться, если, конечно, не обращать внимания на то, что в последнее время сны стали хуже, часто снятся детали из прошлого.

– Ну, от воспоминаний так быстро не избавиться, лечение предполагает комплекс мероприятий, включающий приём наших препаратов и психологическую помощь, поэтому вы здесь. Что вас тревожит в ваших сновидениях?

– Мои сны полностью состоят из воспоминаний, но больше всего меня волнует то, что, просыпаясь ночью, я слышу, как плачет моя дочь, но не могу пойти к ней. Я не могу этого объяснить, возможно, я просто боюсь пойти к ней.

– Скорее всего, это связано с тем, что после гибели жены вы боитесь потерять и дочь, но не волнуйтесь, это абсолютно нормально. Наш препарат помогает вам смягчить боль утраты, но организм порой сопротивляется. Я вас предупредил об этом, поэтому и советовал увеличить дозировку. Вам нужно спокойствие. Увеличите дозировку – сможете пойти к своей плачущей дочери и успокоить её. Не нужно бояться, доверьтесь нашим знаниям.

– Тогда мне ещё нужны ваши препараты. Я согласен с ва-

ми, они мне помогают. Я начинаю обретать то, что потерял.

– Отлично, ведь цель нашей клиники – излечение душевных ран. В прекрасном будущем наши препараты будут продаваться всем нуждающимся под нашим чутким контролем, и мы вместе с вами создадим это будущее. На вашем примере мы видим, что препарат работает. Кстати, как ваша дочь?

– Отлично, оставил её у бабушки на время нашей встречи.

– Прекрасно, вот комплекс на неделю, держите. Увеличьте дозу на одну таблетку перед сном и оставайтесь на связи, нам важно знать, что происходит у вас в жизни, – сказал он, протянув мне упаковку лекарств. – Увидимся через неделю, Константин.

– Да, спасибо.

Я покинул клинику. По дороге к машине в моей голове крутились одни и те же вопросы: «Правильно ли я поступаю?», «Лекарство работает, но нужно ли мне это?», «Смогу ли я вернуть её?».

* * *

Дорога обратно пролетела мгновенно. Город засыпал, и меня радовало, что в нём не оживает мафия, её попросту нет. В отличие от других городов, в нашем, на удивление, тихо и уровень преступности почти равен нулю. Почему? Наверное, потому, что весь город находится во власти коррупции. Все слои населения знают, кто главный в нашем городе,

и понимают, что лучше подчиняться, чем иметь кучу проблем. У нас нет мафии, у нас есть власть, и от преступности её отличает законность наказаний. Если ты честный человек, то можешь работать и развиваться, но стоит тебе сойти с праведного пути – и тебе не поздоровится.

Заехав во двор, я встревожился: моя дочь стояла на улице совсем одна.

– Почему ты не дома? Где бабушка?

– Бабушка легла спать, выключила свет и оставила меня одну, – расстроенным голосом сказала моя дочь. – Я же говорила, она не хочет, чтобы я приезжала.

– Давай садись в машину.

Нет никакого смысла подниматься в квартиру и разбираться с мамой. Раз уж она легла спать, то пообщаемся завтра.

– Почему ты мне не позвонила?

– Я забыла телефон дома, не ругайся, папа.

– В следующий раз будь внимательней, телефон – это та вещь, которую не стоит забывать.

– Хорошо, а я ведь знала, что ты уже едешь, поэтому и вышла тебя встречать.

– Даша, это не шутки, а что, если бы с тобой что-нибудь случилось? Я бы не пережил этого.

– Прости меня, папочка, я не подумала об этом.

– В следующий раз подумай.

За детьми её возраста нужно пристально следить: их дет-

ская наивность сочетается с возрастающим авантюризмом. Это моя ошибка, видимо, не стоило оставлять её у мамы. Я много раз я думал о том, почему между бабушкой и внучкой сложились такие отношения, и, как всегда, версий множество, но я выделил две самые вероятные. Во-первых, моя мама попросту хотела внука, а не внучку со строптивым характером, который, кстати говоря, похож на её собственный. Во-вторых, у мамы попросту нет чувства того, что она уже бабушка, и она не хочет той ответственности, которой я от неё жду.

Наступил поздний вечер, в это время года на улицах города чертовски темно. Угасающее лето забирает свои белые ночи и окутывает город крошечной тьмой, и это время точно не подходит для детских прогулок. Задумавшись о случившемся, я даже не замечал, что мы едем в полном молчании. Только звук двигателя, набирающего обороты, разрезал эту тишину, но не он один это сделал.

– Папа, расскажи, пожалуйста, как вы с мамой познакомились.

Вот и настал момент, когда моя девочка начинает взрослеть. Появляются первые вопросы об отношениях мужчины и женщины, и я считаю это нормальным, но это самый неловкий момент в жизни каждого отца, воспитывающего ребенка в одиночку в таком возрасте. Нужно взглянуть правде в лицо и осознать, что с каждым таким разговором вопросы будут становиться всё серьёзнее.

– Я уж совсем и не помню, это было так давно, тебе же уже целых восемь лет.

– Да, я уже совсем взрослая, и поэтому хочу знать, как вы с мамой познакомились.

– Хорошо, твоя взяла. Когда-то я был самым беззаботным принцем на планете, я делал всё, что мне вздумается, я ел мороженое... много мороженого... ну, два, а то и три эскимо в день, но в один прекрасный день ко мне подошла красивая девушка и отобрала у меня мороженое. Вот так мы и познакомились. Конец.

Будь Катя с нами, она оценила бы эту шутку, а пока что это выглядело нелепыми бреднями, лишь бы уйти от разговора.

– Папа, ты всё врешь, ну расскажи, как всё было на самом деле, – с нетерпением в голосе сказала Даша.

– Ладно, тогда расскажу, как всё было на самом деле, хотя версия с мороженым мне очень нравится. Мы были совсем молодые, мне был двадцать один год, а твоей маме – девятнадцать. Я совсем недавно вернулся из армии, где защищал Родину, бегал с автоматом и прыгал с парашютом.

– Фу, не люблю автоматы, все мальчики на них помешаны.

– Так заложено природой и историей, именно поэтому мальчикам нравится играть пистолетами и машинами.

Когда я вернулся из армии, мама уже как полгода работала в магазине, расположенном в моём доме. Она отучилась в университете на экономиста, это тот, кто хорошо считает деньги, но в то время каждый второй был экономист,

как, в принципе, и сейчас, поэтому с работой совсем не ладилось, и она устроилась продавцом-консультантом. Однажды я зашёл в магазин и просто влюбился в твою маму, и именно это стало основной причиной того, что я стал там пропадать целыми днями. За каждым продуктом я ходил отдельно, лишь бы почаще попадаться ей на глаза, да и на неё посмотреть.

– Ты с ней даже не разговаривал?

– Конечно разговаривал, я говорил ей, какая она красивая, но в основном спрашивал: «Есть ли чёрный хлеб?» Да... в основном я спрашивал про хлеб, не буду тебя обманывать.

– Ты боялся с ней заговорить? Мог бы спросить у неё, какой цвет ей нравится, и она бы заговорила с тобой, – наивно заявила Даша.

– Понимаешь, Дашуля, это так не работает. Вот вырастешь и сама не станешь разговаривать с мальчиками, которые будут спрашивать у тебя про любимый цвет. В один из дней я всё-таки смог заговорить с ней и сказал какую-то нелепую шутку, как мне казалось, конечно, но она заулыбалась, и с того момента я понял, что мы всё же не так далеки друг от друга, как казалось раньше. С того дня наше общение стало полноценным, а не просто «привет – привет». Я позвал её прогуляться, и она была не против. В первую нашу совместную прогулку она как раз и съела все мои мороженки. Потом мы стали общаться ближе. Мы часто виделись, гуляли, ходили в кино и в один момент поняли, что не мо-

жем друг без друга. Спустя полгода я сделал ей предложение выйти за меня, и твоя мама согласилась, ведь я очень красивый, тут глупо отказываться. Мы были счастливы, и спустя год у нас появилась маленькая принцесса по имени Даша.

На удивление, в конце моего рассказа не последовало ни единого уточнения. Я обернулся: моя дочь спала. Скорее, это был не рассказ для дочери о знакомстве её родителей, а краткий экскурс в прошлое для её отца.

Припарковав машину у дома, я заглушил двигатель и понял, что совсем не хочу её будить. Я взял Дашу на руки, как делал это раньше, когда она была совсем маленькая. Отцовская любовь неизменна: с момента рождения ребёнка и каждый день она является потоком ровного и яркого света. Жизнь отца – это большая ответственность, которую хочется взять на себя без сомнений и промедления. На лестничной клетке я почувствовал, что это была не лучшая идея – взять на руки ребёнка, которому уже восемь лет. Но это участь всех отцов. Если уж стал отцом, то терпи все тяготы и трудности, как в армии.

Скинув обувь в прихожей, я занёс свою дочь в её комнату. Хоть и принято считать отцов невнимательными и упускающими те или иные детали, но спать в верхней одежде – это перебор. Снимая со своего сонного птенца обувь, куртку и штаны, я чувствовал всю любовь, которая лилась рекой прямым из моего сердца. Бережно сложив одежду на стул, я укутал свою принцессу одеялом, задёрнул шторы и мед-

ленно вышел, прикрыв дверь в комнату.

Не сделав за весь день практически ничего, я обычно задаюсь двумя вопросами: куда ушло время и почему я так устал? Присев на свою кровать, я почувствовал гул в ногах, мне бы немного полежать, и я снова буду в порядке...

* * *

Тонкий детский плач где-то далеко, я его слышу. Сквозь тучи прорывается этот луч света, плач всё громче и громче; неужели это моя дочь? Где-то в глубине сна пробивается зов реальности. Да, это точно она, мне нужно пойти и успокоить её, а может, это всего лишь сон и я сплю? Я должен проснуться, она нуждается во мне. Это слишком похоже на реальность. Плач становится всё громче, сомнений больше нет: это она.

Еле подняв голову с подушки и прогоняя последние ноты сна, я понимаю, что плач моей дочери из её комнаты – больше, чем просто сон. На этот раз её крики во сне намного громче, наверное, сегодня ей приснилось что-то совсем ужасное. Не стоит медлить, мне срочно нужно выпить лекарства и идти к ней. Запив водой нужное количество таблеток, я начал подниматься с кровати. Таблетки вот-вот подействуют, это их и отличало от всех остальных антидепрессантов. Её плач не стихает ни на секунду. Наверное, она даже не может понять, что это всего лишь сны, я её понимаю, бывает,

просыпаешься от своих же слёз, но я уверен, что она не просыпается. Стоило свесить ноги с кровати, как их тут же сковали судороги, мышцы словно зажаты в тиски, но я не должен её бросать, даже учитывая эту боль, лекарства должны подействовать с секунды на секунду. На полусогнутых ногах я сделал пару неуверенных шагов, как ребёнок, впервые ступивший на пол. Тяжесть и судороги в ногах ещё не прошли, но нужно идти. Делая шаги с кандалами жгучей боли, я ощущал весь холод ночного паркета. И вот я в коридоре, ещё пара шагов – и полпути будет пройдено. С каждым шагом подходя ближе к комнате дочери, я понимаю, что отдаляюсь, коридор удлиняется, и что-то меня останавливает. Я знаю, что за этой дверью сейчас плачет моя дочь, но я не могу протянуть руку к дверной ручке, хотя, возможно, в глубине души понимаю, почему не хочу входить туда, я сам себя останавливаю. Чувствую себя учеником, который опоздал на занятие и стоит у двери, боясь открыть её. Я не могу, я знаю, почему я не могу, но Катя смогла бы, сейчас её нам не хватает, а я просто не могу сделать того, что должен.

Неожиданно плач начал стихать. Мои ноги стали наполняться силой, и боль медленно отступила. Наступил момент, когда препарат начинает действовать, и лёгкость наполняет моё тело. Прямо на глазах коридор вернулся к своему обычному размеру. Нет тяжести в ногах, нет волнения и плача за этой дверью. Она уснула, я в этом уверен, я не должен заходить, иначе я её разбужу, нужно просто идти к себе. Где-

то в глубине души родилась мысль – проверить, спит ли она, иначе я попросту не смогу уснуть. Слегка приоткрыв дверь, я увидел, что моя дочь, свернувшись клубочком, безмятежно посапывает под одеялом. Всё в порядке, она спит, и мне нужно последовать её примеру.

Добравшись до кровати, я понял, что очередная ночь прошла, сколько их ещё будет? Моё бремя – нести на себе все эти гнетущие минуты. Судьба подарила мне каждую ночь кандалы и плач в детской комнате. Не самый лучший подарок, но не стоит жаловаться, ведь у меня есть дом и семья. Самое тяжёлое – быть одному, мне очень не хватает Кати, моя жена – моё спасение, спасение, но я знаю, кто и как может помочь мне вернуть её.

Сон всё ближе, я слышу звуки аттракционов, раздающиеся где-то вдалеке, смех и крики людей, несущихся на американских горках.

– Я тоже туда хочу, давайте пойдём туда! – подпрыгивая от радости, крикнула малышка.

– Ну, если папа разрешит, то пойдём, – тонко намекая о моём согласии, говорит Катя.

– Конечно идём, я так давно не был в парках аттракционов.

– Ура! Мама, а ты будешь со мной кататься?

– Нет, зайка, я же боюсь высоты, папа будет кататься с тобой.

– Зря ты, мама, отказываешься, нам будет весело!

За горизонтом солнце тонет в море, разливая на небе красные краски. Дует тёплый летний ветер, согревая нас, живших далеко от моря и привыкших надевать на себя больше одежды, чем требуется на этом побережье. Это был лучший отпуск в нашей жизни. Мы предоставлены друг другу, и всё вокруг для нас: солнце, море и эти песчаные берега. Большого и не нужно.

– Американские горки?

– Да, папа, американские горки.

– Ты по-прежнему не хочешь с нами?

– Нет, я буду кричать громче всех, если пойду с вами, – ответила Катя.

– Ну, мамочка, пожалуйста, я тебя умоляю, давай с нами, – Даша сделала жалобные глазки, глядя на Катю.

– Хорошо, только ради вас.

– Чтобы ты, мама, не боялась, садись рядом с папой, а я буду сзади. Будем сидеть, как в машине: вы вместе спереди, а я сзади.

Очередь к кассе аттракционов таяла на глазах, и три билета оказались в руках быстрее, чем этого можно было ожидать.

– Побежали быстрее, пока они ещё не уехали, иначе придётся ждать.

Долго ждать и вправду не пришлось: словно по волшебству, осталось три свободных места.

– Даша, держись крепко, – сказала Катя.

– Не волнуйтесь, мы проверяем ремни безопасности, с ней всё будет в порядке. Когда рамки опустятся, она точно будет в безопасности, – развеял наши сомнения работник парка.

На наших лицах – лёгкий мандраж. Рамки опустились, прижимая нас к сиденьям.

– Дай мне свою руку, – тихо сказала Катя.

Её рука дрожит от волнения.

– Не бойся, я рядом.

– Я люблю тебя.

– И я тебя люблю.

Писк будильника разорвал мой сон. Дождь барабанит по окну, уже утро, как же бесит эта мелодия, которая будит в такие минуты. Пора вставать. Слышу шаги дочери, идущей по коридору: как всегда, встала раньше.

– Папа, доброе утро, вставай, пора в школу! – забежав в комнату, весело крикнула она.

– Такое чувство, что в школу иду я, а не ты.

– Я уже готова.

– Отлично, я тоже морально готов встать. Ты завтракала?

– Конечно, папа, я съела все хлопья.

– Отлично, тогда отец поголодает.

Выйдя на улицу, я порадовался, что вчера смог поставить машину у подъезда: нынче это редкая удача. С такими резкими подъёмами вспоминается армия. Тебя будят пронзительным криком, после которого ты, как шальной, должен одеться за считанные секунды. Выбежав на улицу, все, ещё

пару минут назад спавшие, должны построиться и посчитаться. Далее начинается всеми «любимая» зарядка, от которой тошнило. Я знал каждый уголок плаца, каждый камешек, ведь 365 зарядок в упоре лёжа заставили познакомиться лично с каждой неровностью асфальта.

Дорога до школы, как всегда, была быстрой, несмотря на утренние пробки. Провожая дочь, я опять ловил странные взгляды на нас, наверное, уже полгорода знает о том, что произошло в нашей семье.

Сегодняшние ночные судороги заставили меня задуматься о том, что в моём лечении есть какие-то проблемы. Нужно позвонить Николаю Юрьевичу, должно же быть этому какое-то медицинское объяснение. Может, он, как мой врач, скорректирует приём лекарств. После пары гудков я услышал его голос.

– Алло, Николай Юрьевич?

– Да, доброе утро, Константин, как вы?

– Сейчас неплохо, а вот ночью чувствовал себя паршиво.

– Ещё бы, ведь действие лекарства прекращается к утру, а сон замедляет действие препаратов. Именно поэтому ночью вы чувствуете себя хуже, чем днём. Расскажите, что вы чувствовали. Какие-то боли?

– Я проснулся, как обычно, от того, что мои ноги сковала боль и моя дочь опять плакала во сне. Мне пришлось постараться, чтобы добраться до её комнаты.

– В принципе, ничего необычного, Константин, наша ком-

пания уже с этим сталкивалась, и мы работаем над изменением структуры препарата, но поймите, к каждому нашему клиенту мы подходим индивидуально. Что работает на улучшение состояния одного, может совершенно не помогать другому. Единственное, что на данный момент может помочь в вашей ситуации – это ещё увеличить дозировку препарата.

– Да сколько можно увеличивать? Я скоро буду питаться только этими таблетками.

– Столько, сколько нужно, – холодно произнёс доктор. – Чего вы хотите, Константин? Чтобы за один вечер всё стало, как раньше? Так не бывает. Увеличьте дозировку, и вы увидите результат. Вы стоите перед барьером, за которым находится ваше счастье, перед барьером, за которым полная и крепкая семья. Не давайте ненужным мыслям лезть вам в голову, вспомните, зачем вы когда-то пришли ко мне, и посмотрите на то, что уже имеете. Мы уже проделали большой путь, и результаты уже упрощают вашу жизнь и делают её такой, какой она была прежде. Соответственно, со своей стороны я подготовлю препарат, в который внесу необходимые изменения, чтобы избавить вас от болезненных ощущений по ночам.

– Хорошо, я увеличу дозировку, глупо в моём случае всё бросать.

– Вот и правильно, Константин. Жду вас завтра в 19:00 в клинике, нужно увеличить интенсивность приёма

лекарств, поэтому вам нужно пополнить личные запасы.

– Договорились, я буду.

– До встречи, Константин.

Порой ненавижу этого врача, иногда он похож на дьявола, с которым я подписал договор собственной кровью. Вот только строчек с мелким шрифтом там нет: о том, что ты попадаешь в рабство, в договоре написано большими буквами. Когда ты выпиваешь первую таблетку, появляется ощущение конца, понимание того, куда всё зашло, но как только таблетка начинает действовать, ты понимаешь, почему подписался на экспериментальный препарат клиники «Инферно». Волшебная таблетка забирает боль, от которой ты хочешь избавиться всеми возможными способами, и дарит то, чего ты ждёшь.

Закончив разговор и убрав телефон в карман, я тут же почувствовал вибрацию: кто-то звонит.

Я даже не был удивлён: объявился. Не звонил с того момента, когда всё произошло.

– Да.

– Костя.

– Да, кто это? – я прекрасно знал, кто это, ведь его номер забит в моём телефоне, но я хотел, чтобы он знал, что уже неважен для меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.